

дать силу, эту страшную необъятную силу для того, чтобы прожить свою великую жизнь!

Памятью его жили и царствовали тѣ, кто пришелъ ему на смѣну. Вотъ она съ его огненными глазами, дочь—русская красавица Елизавета! Думалъ-ли онъ, вода своей моволистой рукой по кудряшкамъ своей Лизавьки, что она будетъ царствовать? Нѣтъ, не ватерли ее нѣмцы, не такова была кровь Петровская!

Любила она, была красавица-царица, и богомолье, и тропинку въ березовой рощѣ погожимъ лѣтнимъ днемъ, любила идти по ней настрѣчу къ мелькающимъ черезъ стволы березокъ ситамъ тихой обители, любила хорошоды и залихватый русскій смѣхъ, и горѣлки, любила фижмы и пудренный парикъ и рококо своего Растрелли. Изъ пышныхъ дворцовъ она выходила, чтобы встрѣтить холмогорскаго мужика и, нахотававшись вдоволь, слушала умныя рѣчи Шувалова, и она же, разбивъ великаго Фрица, ваяла Берлинъ!...

И скажемъ такъ языкомъ нашей незабвенной, съ лучезарными глазами императрицы: „и все оное наилучшимъ образомъ въ дѣйства пронаводила и ко всему российскому охотно доброджелательна была“.

Очаотливой рукой Елизавета Петровна выбрала на русскій престолъ нѣмецкую принцессу не славнаго и не знаменитаго рода: Софію-Августу и, словно мановеніемъ своей удачливой русской руки, одѣлала изъ этой някому неизвѣстной нѣмецкой принцессы совершенно русскую и по уму, и по душѣ, и даже по привычкамъ—матушку государыню Екатерину Алексѣевну.

Вотъ она глядитъ на насъ со многихъ, тщательно оберегаемыхъ въ присутственныхъ мѣстахъ портретовъ, величественная, съ короной въ сѣдыхъ волосахъ, со скипетромъ въ пухлой рукѣ! Старая русская барыня, съ мягкими, удивительно пріятными чертами лица и очаровательной улыбкой!

По мысли онъ на гравитной скалѣ, поднимъ копы на дыбы, летить мѣдный всадникъ. Она поняла весь размахъ, всю ширь, все устремленіе Петра, но крѣпко прикрѣпила всадника къ родной почвѣ: ничего изъ великихъ начинаній не отбѣсила, но повернула все устремленіи съ запада навадъ, въ Русь, все на свой ладъ, все на свой образецъ, безъ потрясеній, безъ ломки, прировнисто къ русскому свѣчаю и обычаю и такъ, чтобы сразу же срослось.

Рвался Великій царь къ южному морю, чулиось ему тамъ просторъ, естественная гравия царства. Она пошла по этому навѣщавому пути и дала Россіи и благодатную Нопоросію и Крымъ—эту вопиющую сказку о томъ, какъ горы спорили съ